

Вадим Глузман: «Музыканты не должны быть похожи на лошадей» | Vadim Gluzman: «Les musiciens ne doivent pas ressembler aux chevaux»

Auteur: Ксения Ноговицына, [Биль/Бьенн](#), 07.06.2017.

Скрипач Вадим Глузман

В рамках открывающегося завтра фестиваля Art Dialog, с программой которого мы

вас уже [знакомили](#), впервые в Биле с сольным концертом выступит израильский скрипач Вадим Глузман.

Dans le cadre du festival Art Dialog, qui commence demain et dont le programme vous a déjà été [présenté](#), le violoniste israélien donnera son premier récital à Biel, le 24 juin.

Vadim Gluzman: «Les musiciens ne doivent pas ressembler aux chevaux»

Наряду с такими мировыми звездами как Вадим Репин, Максим Венгеров, Гил Шахам и Николай Цнайдер, Вадим Глузман принадлежит к плеяде музыкантов, рожденных в 1970-е годы — тех, кому посчастливилось застать великих скрипачей XX века — Иегуди Менухина, Айзека (Исаака) Стерна, переняв, что называется, «из первых рук» исполнительские традиции прошлого. В жизни Глузмана была встреча с легендарным Стерном, который, по словам музыканта, и определил его ориентиры в музыке.

Вадим Глузман родился в 1973 году в Житомире, вырос в Риге, а в 1990 году вместе с родителями эмигрировал в Израиль. Будучи сегодня одним из самых востребованных скрипачей мира, Глузман не принадлежит к числу тех, кто в наше время небывалой коммерциализации искусства добывает себе славу экстравагантным поведением, мелодраматическими подробностями биографии или «осовремениванием» классики. Он в хорошем смысле старомоден в любви «искусства в себе, а не себя в искусстве», если вспомнить слова Станиславского, а его феноменальная по качеству звука и энергетике игра заставляет вспомнить великих музыкантов прошлого (недаром кумир Глузмана — Давид Ойстрах).

При этом Глузман – активный пропагандист современной музыки и, кажется, вполне комфортно чувствует себя в сегодняшнем дне и в тяжелейшем, если не сказать безжалостном графике современного концертирующего музыканта.

Нынешний июнь – не исключение. В Европу Вадим Глузман прилетит из США, где в Норсбруке, пригороде Чикаго, в эти дни проходит возглавляемый им Международный Фестиваль камерной музыки. Сольному концерту в Биле предшествует пятидневный тур по Испании с Национальным оркестром Аквитании (Франция). В кратком перерыве между концертами Вадим Глузман любезно согласился дать интервью Нашей Газете.ch и рассказать читателям, что помогает ему поддерживать силы, каково его отношение к русской скрипичной школе и музыкальным конкурсам, к музыке современной и старинной.

Вадим, Вы постоянно переезжаете, живете то на одном, то на другом континенте. Легко ли приспособливаетесь к переменам во времени? Есть ли у Вас какой-то ориентир, внутренние часы?

Вадим Глузман: Я стараюсь по солнцу ориентироваться. Приспособляюсь иногда легко, иногда не очень.

Образ жизни современного музыканта требует, без преувеличения, здоровья космонавта, но космонавт готовится к полету несколько месяцев. Как Вы помогаете себе справляться с этими перегрузками, как восстанавливаетесь?

Я никогда об этом не задумывался — у меня времени нет. Иногда хожу в спортзал, когда есть возможность. Восстанавливаться? Я не знаю, что это такое. В основном я занят тем, что мне предстоит играть на следующем концерте.

А Вы помните момент, когда Вы перешли в этот режим? Когда начался поток концертов, и Вам некогда стало даже задумываться о том, устали ли Вы и насколько устали?

К моему счастью, моя карьера складывалась и до сих пор складывается очень постепенно и «поступенно», и не было однодневной перемены, после которой все вдруг произошло. Все строилось очень длительными периодами.

В Швейцарии Вы ведь бывали неоднократно?

Да, я выступал здесь много, и с оркестром, и сольно.

Вам нравится эта страна? Вы когда-нибудь задумывались о том, чтобы остаться здесь жить, чтобы здесь был Ваш дом?

Гидон Кремер в одной из своих книг с грустью написал: «Дом, это то место, где я сплю сегодня». К сожалению, это относится ко многим из нас, и ко мне, хотя дом у меня, конечно же, есть.

Я никогда не задумывался о том, чтобы жить в Швейцарии, но мне очень приятно приезжать сюда. Я очень люблю итальянскую Швейцарию, где воцарился порядок, при этом не потерялись итальянское очарование, эмоциональность и умение радоваться жизни. Точно так же я люблю и немецкую часть Швейцарии, но они настолько разные, что я их воспринимаю почти как разные страны.

Вы начинали свое обучение музыке в СССР, считаете ли себя представителем русской скрипичной школы?

Нет, к русской школе я никакого отношения не имею. Дело в том, что мой педагог Роман Шне, которого я до сих пор с большой любовью вспоминаю, был воспитанником другого знаменитого рижского педагога, который, в свою очередь учился у Шрадика (Генри Шрадик — один из знаменитых немецких скрипачей и педагогов XIX века – К.Н.), это скорее немецкая линия. Потом я один год учился у Захара Нухимовича Брона в Новосибирске, но мне кажется, это слишком короткий период, чтобы считать себя представителем русской школы. Продолжил обучение в Израиле у Яира Клесса — ярчайшего представителя франко-бельгийской школы, потом у Аркадия Фомина, который также родом из Риги, но преподавал в Далласе, позже — у Дороти ДеЛэй в Джульярдской школе.

Вы намеренно отделяете себя от русской школы? Есть что-то, что Вас в этой школе не привлекает и не нравится, даже глядя со стороны?

Я не отделяю, это просто факт жизни. То, что мне мешало и мешает до сих пор (но это, разумеется, имеет отношение не к самым лучшим представителям этой школы) — направленность на поверхностную виртуозность ради самой виртуозности, к техническому владению инструментом, которое ставится во главу угла, в чем-то даже выше музыки. С другой стороны, если Вы взглянете на фотографии, висящие в

моей библиотеке, Вы увидите там портрет Давида Федоровича Ойстраха. Трудно говорить о школе в целом, скорее — об ее представителях.

А почему Вы учились у Захара Брона только один год?

Мы просто разъехались в разные стороны: его самолет улетел в Германию, а мой — в Израиль.

Частая смена педагогов помогла Вам или помешала?

Думаю, что в результате помогла, однако в конкретные моменты это могло в чем-то замедлять процесс, но об этом я догадываюсь лишь сейчас. Так или иначе, я знаю, что благодаря всем моим педагогам, включая и Захара Нухимовича, несмотря на короткий срок моей учебы у него, я есть тот, кто я есть. Каждый педагог, с которым я занимался, оставил свой след, и я благодарен судьбе за это.

В Вашей биографии не мелькают конкурсы. Вы не любите подчеркивать эту сторону своей биографии?

Я просто не люблю конкурсы. В конкурсах я участвовал, выигрывал какие-то призы, и, в общем-то, моя карьера началась с одного конкурса, хотя это не совсем точное определение. Это было мероприятие, аналогов которому, к сожалению, нет — Карьерный приз имени Хенрика Шеринга в 1994 году. Он разительно отличался от всех других конкурсов хотя бы тем, что в жюри не было педагогов, а были скрипачи, дирижеры, концертные агенты, менеджеры.

К конкурсам же у меня очень негативное отношение, я отклоняю все приглашения принять участие в жюри, хотя почему-то получаю их с достаточно большой регулярностью. Видимо, надо мной смеются где-то там сверху.

То есть, Вашим ученикам Вы бы не посоветовали участвовать в конкурсе?

Ни в коем случае.

Почему?

Во-первых, я считаю, что музыканты не должны быть похожи на лошадей, хотя я очень люблю лошадей — это замечательные, добрые и очень умные животные. Но забегами на какие бы то ни было дистанции в музыке, мне кажется, не стоит заниматься. А уж мерять в музыке кто лучше — это, по-моему, вообще смешно. А во-вторых, к сожалению, конкурсы на сегодняшний день коррумпированы до такой фантазмагорической степени, что даже если бы я был согласен с принципом конкурсов как таковым, мне было бы в любом случае стыдно принимать в них участие.

Вы один из тех музыкантов, кто большое внимание уделяет современной музыке: играете ее и пропагандируете. Вы считаете это в каком-то смысле своей миссией?

Я не настолько серьезно к себе отношусь, чтобы такие слова употреблять по отношению к себе. Но я считаю, что это в какой-то степени обязанность любого

артиста, неважно даже, музыкант ты или нет — искать, что же будет завтра.

Если исходить из новоевропейской концепции музыки, согласно которой музыка есть некое сообщение, послание тому, кто ее воспринимает, то какой «месседж», на Ваш взгляд, несет слушателям современная музыка?

Общего послания нет. Послушайте Йорга Видмана (немецкий композитор, род. в 1973 г. — К.Н.) и потом Валентина Сильвестрова (украинский композитор, род. в 1937 г.— К.Н.). Разве можно говорить о каком-то одном музыкальном языке? Видману на днях исполнится 44, Сильвестрову — скоро 80, и они оба являются современными композиторами.

Музыкальный язык, конечно, разный. Но ведь все-таки композитора и его музыку мы волей-неволей ассоциируем с определенной эпохой. Скажем, симфонии Шостаковича мы воспринимаем сегодня в контексте страшного сталинского времени. Когда-нибудь наши дети и внуки будут так же слушать современную нам музыку и пытаться понять время, в которое она была написана.

Я надеюсь, что они не будут обобщать. Точно так же мне не хочется думать, что на Шостаковича будут смотреть только сквозь призму личности Сталина. Мне кажется, что это невероятно узко, и таким образом, мы теряем Шостаковича. Невозможно вместить гений такого масштаба в рамки каких-то политических или даже исторических событий. Естественно, они находят отражение в его музыке, и конкретно у Шостаковича — очень яркое отражение, но ни в коем случае этим не ограничивается то самое послание композитора, о котором Вы говорите.

А почему, как Вы думаете, слушателю труднее понять современную ему музыку, чем музыку прошлых эпох?

Ну, хотя бы потому, что они ее уже много раз слышали. Это вопрос привычки, узнаваемости. В свое время Первая симфония Брамса была новшеством, и ее трудно было слушать. Это была современная, непривычная слуху музыка, кто-то ее воспринял, а кто-то категорически не принял. Уж не говоря о симфониях Бетховена, революционных для его времени.

Вы играете на скрипке работы Страдивари 1690 года. У Вас есть интерес к музыке, которая создавалась для подобных инструментов и вообще к музыке добаховского времени? Как Вы относитесь к исторически ориентированному исполнительству?

Я с большим уважением отношусь к аутентичному движению, если, конечно, это сделано на высоком уровне, и очень многое для себя почерпнул. Более того, если заглянуть ко мне в футляр, то Вы там увидите барочный смычок, которым я регулярно пользуюсь для игры барочной музыки. Не знаю, насколько можно меня причислить к аутентистам — я вообще считаю, что это слово весьма подозрительно, потому что мы можем лишь догадываться о том, как эта музыка исполнялась в то время, когда она была написана. Какие-то вещи мы знаем, исходя из инструментов, которые дошли до нашего времени, и, конечно же, сохранившихся документов. Но услышать мы этого не можем, к сожалению, а было бы ужасно интересно!

Расскажите о Вашем творческом союзе с Евгением Синайским, с которым выступите в Биле: как он сложился, как часто Вы выступаете вместе?

Женя — мой давний и очень близкий друг. Мы познакомились 38 лет назад, учились в одной школе и даже в одном классе, сидели за одной партой, правда, нас очень быстро рассадили.

Много лет спустя, объехав многие страны, мы начали работать вместе. Это произошло благодаря тому, что мой постоянный пианист на то время и до сих пор — моя жена Анжела Иоффе — была на последних сроках беременности, и нужно было кем-то ее заменить. Вот так и получилось, что мы позвонили Жене. С тех пор уже на протяжении 14 лет мы постоянно работаем вместе, так что теперь у меня два постоянных концертмейстера. Он - мой постоянный пианист на мастер-классах. У него феноменальный репертуар, и он изумительный музыкант, профессор камерной музыки Венской консерватории и Университета искусств Фолькванг в Эссене.

Прокомментируйте, пожалуйста, выбор произведений для Вашего бильского концерта: Арво Пярт, Сезар Франк, Игорь Стравинский, Эрнест Блох?

Составление программы для меня всегда немножко напоминает поход в магазин игрушек: хочу вот это, вот это, вот то и еще немножко этого. Если они между собой сочетаются, программа выстраивается, если нет, — идем обратно в магазин. Общая концепция этой программы — это колористика, цвета в музыке. Мне почему-то очень близко сочетание музыки Сезара Франка и Арво Пярта. Пярт интересен мне именно потрясающим внутренним наполнением, при этом, пусть я скажу банальность, — с минимальным использованием средств. И у Франка, который может показаться с первого взгляда легковесным романтиком, музыка практически духовная. Вот это, на мой взгляд, их роднит. Биографии Игоря Стравинского и Эрнеста Блоха связаны со Швейцарией, и это наш подарок швейцарскому слушателю.

От редакции: Напоминаем, что единственный концерт Вадима Глузмана и Евгения Синайского состоится 24 июня в 19.30 в Биле, в Residenz Au Lac. Подробности Вы можете узнать по [ссылке](#). Билеты на концерт можно приобрести [здесь](#).

[русская музыка](#)

[швейцарская музыка](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/vadim-gluzman-muzykanty-ne-dolzhny-byt-pohozhi-na-loshadey>